

<https://helda.helsinki.fi>

---

p̃y > 3 4 0 8 4 @ > 2 A B @ 5 B 8 ; : 0 B 5 @ 8 = C : = 5 : > B > @ K 5
p̃y > 1 0 @ E 5 B 8 ? 8 G 5 A : > < A > 1 K B 8 8

Oittinen, Vesa

2020

---

p̃y Oittinen , V 2020 , ' > 3 4 0 8 4 @ > 2 A B @ 5 B 8 ; : 0 B 5 @ 8 = C : = 5 : > B > @ K 5
p̃y 0 @ E 5 B 8 ? 8 G 5 A : > < A > 1 K B 8 8 ' , Istoriko-filosofskij e~egodnik = A B > @ 8
p̃y 5 6 5 3 > 4 = 8 : , vol. 35 , pp. 101-116 . <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2>

<http://hdl.handle.net/10138/326046>

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.38.59.001>

---

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Веса Ойттинен

профессор, Александровский институт, Хельсинкский университет; Р.О.Вох 42 (Unioninkatu 33), FI-00014 University of Helsinki, Хельсинки, Финляндия.

E-mail: vesa.oittinen@helsinki.fi

перевод на русский язык:

Артемьева О.В., старший научный сотрудник Института философии РАН, сектор этики, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: o_artemyeva@mail.ru.

Когда Дидро встретил Екатерину: некоторые размышления об архетипическом событии

Аннотация. В статье рассматривается встреча императрицы Екатерины II и Дени Дидро в 1773–1774 гг., интерпретируемая автором как архетипическое событие столкновения западного Просвещения со страной, находящейся на периферии западной цивилизации. Дидро был один из немногих мыслителей Просвещения, который осознавал проблемы, связанные с глобализацией идей и практики Просвещения. В статье обсуждается проблема «просвещенного деспотизма», высказывается предположение, что эта проблема предвосхищает стремление к модернизации диктаторских режимов XX в.

Ключевые слова: Просвещение, Дидро, Екатерина II, модернизация, архетипическое событие, «просвещенный деспотизм».

Встрече Дени Дидро с Екатериной II посвящено не так много литературы, а материалов и исследований по теме «Просвещение и Россия» предостаточно. Меня озадачивает столь прохладный интерес научного сообщества к этой знаменательной встрече; ведь совершенно очевидно, что ей присущи особенности архетипического события. До сих пор самой значительной монографией об этой встрече является работа Мориса Турне «Дидро и Екатерина II», опубликованная в 1899 г.² Однако эта книга представляет собой скорее подборку материалов, нежели аналитическое исследование. Только в 2019 г. вышла книга американского исследователя Роберта Зарецкого по той же тематике, но и она удовлетворяется довольно поверхностным описанием событий.³

Сергей Карп – один из лучших современных экспертов по российскому Просвещению отмечает, что «до сих пор в научно-популярной, а иногда и в научной литературе ... факт приезда Дидро в Россию и его контактов с русскими людьми интерпретируется упрощенно и неадекватно». Упрощенная история события, согласно Карпу, выглядит приблизительно так: «Дидро приехал в Россию, польстившись на приглашение Екатерины II (в расчете на ее щедрость), беседовал с ней и даже осмелился давать советы по реформированию нашей страны <...> Сам он – далек от народа, общался только с императрицей и несколькими придворными»⁴. В качестве примера поверхностного взгляда на приезд Дидро в Россию Карп приводит недавнюю известную книгу Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу» (1994). Вульф рассказывает нам, что Дидро, как только был представлен Екатерине, сразу стал настаивать на том, чтобы она отказалась от самодержавия, признала суверенитет народа, а также волю народа в качестве единственного источника права⁵.

¹ Перевод статьи выполнен О.В. Артемьевой по изданию: *Oittinen V.* When Diderot Met Catherine: Some Reflections on Archetypic Event // *Transcultural Studies*. 2018, № 14. P. 171–182.

² Турне М. Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро / Пер. К.К. Толстого. СПб., 1902.

³ *Zaretsky R.* Catherine & Diderot. The Empress, the Philosopher and the Fate of the Enlightenment, Harvard Univ. Press 2019. Недавно вышла достойная внимания работа С. Мезина «Дидро и цивилизация в России» (М., 2018), но изложенная там проблематика цивилизации требует особого рассмотрения, для которого у меня в этой статье нет возможности.

⁴ Карп С. Дидро, А.В. Нарышкин и цивилизация в России. URL: <https://prae.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/karpdiderot> (дата обр. 02.01.2020).

⁵ См.: *Wolff L.* *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of*

Вульф, конечно, был прав, когда, как и многие другие авторы до него, обнаружил, что вопреки тому факту, что и Дидро, и Екатерина разделяли идеалы Просвещения, с самого первого момента встречи между ними возникло напряжение. Это была не просто встреча в высшей степени незаурядных личностей – знаменитого французского философа и русской самодержицы. Она была отягощена огромным множеством разного рода идеологических и геополитических подтекстов. Ниже я обращусь к подробному рассмотрению некоторых из них, а сейчас позвольте процитировать мою более раннюю (2012) статью, в которой я пытался следующим образом описать «философское», т.е. архетипическое, значение этой встречи:

«Таким образом, во встречах Дидро и Екатерины, в их попытках применить идеи современного общественного порядка к географической периферии выявились оба острия дилеммы. Одно, которое представлял Дидро, состояло в утверждении универсальности идей Просвещения и Модерна (modernity) – убежденности в том, что эти идеи применимы ко всем людям независимо от их этнической, географической или культурной принадлежности. Другое острие дилеммы отстаивала русская императрица, столь же убедительно утверждавшая, что идеи Дидро ввергнут ее страну в хаос. У Екатерины было мало иллюзий в отношении русского крестьянства, впоследствии идеализированного наивными славянофилами, и она считала бунтовщика Пугачева людоедом, восстание которого надо было подавлять любой ценой»⁶.

Так, конфликт вращался вокруг проблематики универсалистской претензии идей Просвещения, которая состояла в утверждении, что эти идеи применимы к человечеству во всей полноте: и к конкретной ситуации, и к традициям разных стран.

Возможно, Ларри Вульф и описал эту встречу поверхностно, но достоинство его книги, на мой взгляд, состоит в том, что он привлек внимание к тому факту, что представление о России (и в целом о Восточной Европе) как к чему-то отличному от Запада в значительной мере стало формироваться в эпоху Просвещения. Тем не менее, Вульф не останавливается на более глубоких социально-экономических причинах этого изменения.

---

the Enlightenment. Stanford, 1994; рус. пер.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁶ Oittinen V. Russian "Otherness": From Chaadaev to the Present Day // Understanding Russianness / Ed. by R. Alapuro, A. Mustajoki, P. Pesonen. New York; London; 2012. P. 72.

Еще в статье 2012 г. я указал на то, что хотя геополитические аспекты Модерна обсуждались во многих моделях мировой экономики, предполагающих деление «центр–периферия», – таких, как теория Иммануила Валлерстайна, они не оказали должного влияния на исторический анализ распространения идей Просвещения. Валлерстайн подчеркивал, что геополитические структуры очень устойчивы (согласно ему, нынешний мировой порядок начал формироваться 500 лет назад) и привели к международному разделению труда, разрушить который очень трудно. Коротко говоря, именно смещение центра экономической деятельности в глобальном масштабе породило новый геополитический этап, который должен был стать предметом рефлексии мыслителей Просвещения. Теперь стало важно не Средиземноморье, а североатлантическое пространство, что привело к формированию нового мирового порядка, который конституирует нашу современность (*our modern times*). Необязательно быть экономическим детерминистом, чтобы признать, что такие события влияют даже на способы восприятия идей Просвещения. В этом процессе Восточная Европа и Россия оказались периферией по отношению к западноевропейскому / североамериканскому центру, т.е. оказались их «Другим», и таким образом, объектом благожелательного или критического взгляда европейского Просвещения. Как мне кажется, исходя именно из такой диспозиции следует оценивать проблемы царствования русского Просвещения. В этой статье я смогу затронуть лишь некоторые аспекты этой сложной проблематики.

Дидро и Струэнзе

Посмотрим, какими же были намерения Дидро в его путешествии по России. Действительно ли он считал, что может повлиять на российскую самодержицу и использовать ее царствование для внедрения вдохновленных Просвещением идей в России?

В романе шведского писателя Пер Улова Энквиста «Визит лейб-медика» («*Livläkarens besök*», 1999⁷) описывается ситуация, похожая на встречу Дидро и Екатерины. Это история, которая была возможно только в XVIII в. – не раньше и не позже – была основана на реальных фактах. Иоганн Фридрих Струэнзе (1737–1772), врач датского короля Кристиана VII, получает возможность реализовать идеи Про-

⁷ В рус. пер. см.: *Энквист П. У. Визит лейб-медика* / Пер. А. Савицкой. М., 2004. – *Прим. пер.*

свещения по мере того, как завоевывает доверие психически неуравновешенного короля. В течение 16 месяцев он мог осуществлять практически неограниченную власть в королевстве Дании, поскольку король охотно одобрял все его действия. По инициативе Струэнзе было проведено множество прогрессивных реформ в духе Просвещения: отмена пыток, отмена *stavnsbånd* (датской формы крепостного права), отмена цензуры в прессе, привилегий дворянства, торговля рабами в колониях Дании, были проведены реформы университетов, крестьянам были выделены земли, взяточничество было объявлено преступлением...

Разумеется, правление Струэнзе не могло долго длиться, реакция аристократов и феодалов была неизбежна. В ходе дворцового переворота в январе 1772 г. Струэнзе был арестован и после непродолжительного процесса казнен. Все реформы были отменены, и Дания вернулась к «старому режиму».

Для нашей темы интересно, что Энkvист изображает Дидро как реального инициатора политики Струэнзе. Осенью 1768 г. король, королева и Струэнзе со свитой посещают Францию и встречаются там многих знаменитых философов. Энkvист придумывает сцену, когда гости из Дании покидают Францию, и Дидро заводит короткий, но серьезный разговор с уже сидящим в карете Струэнзе:

Это была минута странного напряжения. Лошади нетерпеливо переминались в упряжках, накрапывал дождь, а господин Дидро, казалось, хотел что-то сказать, но сомневался, стоит ли это делать.

Но, в конце концов, он сказал.

– Эта ситуация уникальна, – негромким голосом произнес господин Дидро. – Власть формально находится в руках талантливого, очень талантливого, но психически неуравновешенного короля. Некоторые утверждают – я не уверен, можно ли так сказать, – что он – сумасшедший. Вы пользуетесь его доверием. Это налагает на вас большую ответственность. У просвещенного монарха крайне редко существует, как в данном случае, возможность рассеять тьму реакции. В России у нас есть Екатерина, но Россия – это море тьмы на востоке. В Дании эта возможность существует. Но не восстанием черни и масс. А при помощи власти, данной Всевышним⁸.

Дидро еще раз прошептал, что болезнь датского короля дает Струэнзе «прекрасную возможность», которую нельзя не использовать. Таким образом, если признать правдивость того образа Дидро,

---

⁸ Энkvист П.У. Визит лейб-медика. С. 155.

который в своем романе предлагает Энkvист, то из этого следует, что, встретившись в реальной жизни с русской монархиней, Дидро применил ту же стратегию, которую в книге Энkvиста он рекомендовал Струэнзе. Стратегия представляет собой пример использования шансов для распространения идей Просвещения и внедрения модернизации социальных институтов, которые может дать самодержавие.

Сама по себе идея использования самодержавия в качестве средства для проведения реформ в духе Просвещения хорошо известна в культуре XVIII в. Происхождение концепции *despotisme éclairé*⁹ не достаточно ясно; возможно, она возникла уже во время правления Людовика XIV. В любом случае, она стала более широко распространяться с середины XVIII в. Джонатан Израэль упоминает Вольтера, Тюрго и Гримма как главных сторонников этой концепции, а Россия в эпоху Просвещения «оставалась ключевой» в спорах вокруг этой идеи¹⁰. В самом деле, Вольтер в «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» изобразил Петра I как просвещенного, хотя и несколько грубоватого правителя, который подтолкнул отсталую средневековую Россию на путь модернизации. Вольтеровская история деяний Петра I была написана в апологетическом духе (за это заплатили российские власти), но тем не менее в ней была успешно выдвинута идея о том, что самодержец может действовать в пользу Просвещения просто потому, что он обладает властью разрушить упорное сопротивление сторонников традиционных форм жизни. По этой же причине Вольтер даже попытался оправдать такое грубое попрание международного порядка, как раздел Польши (1772 г.) – почему бы и нет, раз теперь именно «просвещенная» императрица Екатерина будет управлять бывшими польскими землями.

Однако идея просвещенного деспотизма (или «просвещенного абсолютизма» как слегка утонченной версии той же концепции) противоречива или даже парадоксальна уже на семантическом уровне, поскольку пытается объединить два понятия, которые плохо сочетаются. Просвещение состоит, согласно знаменитой формулировке Канта в эссе 1784 г., в «выходе человека из состояния своего несовершенноголетия, в котором он находится по собственной вине»¹¹. Поэтому

⁹ Просвещенный деспотизм (фр.) – *Прим. пер.*

¹⁰ Israel J. Democratic Enlightenment. Philosophy, Democracy and Human Rights 1750–1790. Oxford, 2011. P. 270, 271.

¹¹ Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796). М.: Ками, 1994.

рекомендация использовать деспотизм в качестве средства содействия Просвещению звучит как попытка изгнать демонов с помощью Вельзевула. Неудивительно, что идея *despotisme éclairé* была поддержана главным образом такими авторами, которые могли – по классификации Джонатана Израэля – считаться сторонниками «правого крыла» движения Просвещения, т.е. такими авторами, которые придерживались элитистских взглядов на то, как следует содействовать просвещению, и для которых было неприемлемо активное участие народных масс в вопросах государства и политики¹².

С концепцией «просвещенного деспотизма» связана не только проблема семантической нестыковки между двумя терминами. Есть и другие проблемы, один из которых относится к вопросу рациональности высшей власти. В действительности самым совершенным просвещенным деспотом являлся бы тот, которому присуща абсолютная рациональность и которому не свойственны никакие капризы, страсти или стремление к удовольствиям – то есть он или она должны были бы быть воплощением правящей идеи, а не человеком, состоящим из плоти и крови.

Следующая проблема касается взаимоотношения между самодержцем и его/ее подданными. Даже в случае самого просвещенного и благожелательного деспота, единоличное осуществление его власти увековечивает патерналистскую систему, в рамках которой власти лучше знают, в чем нуждаются поданные и что для них является благом. *Imperium paternale*¹³ – главный аргумент для Канта в противостоянии искушениям просвещенного самодержавия, поскольку оно препятствует достижению главной цели Просвещения, а именно: освобождению человека от несовершеннолетия¹⁴. В самом деле, если мы детально проанализируем деятельность Струэнзе, мы сразу обнаружим, что все свои реформы, какими бы благожелательными они ни были, он насаждал «сверху», патерналистски. Поэтому неудивительно, что он не получил достаточной народной поддержки и стал в конце концов легкой добычей аристократической реакции.

---

¹² При этом я хотел бы подчеркнуть, что не разделяю слишком механистичное деление Израэлем движения Просвещения на радикальную ветвь и «мэйнстрим».

¹³ Правление отеческое (лат.) – *Прим. пер.*

¹⁴ Более глубокое обсуждение данного аспекта взглядов Канта см.: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 136 и далее.

Деспот Екатерина

*Rencontre*¹⁵ между Екатериной и Дидро началась очень хорошо. Мельхиор Гримм сообщил, что после их первой встречи в октябре 1773 г. «l'impératrice en est vraiment enchantée»¹⁶; их беседа вскоре приняла такой дружеский оборот, что Дидро называл императрицу *ma bonne dame*. Французский энциклопедист, хотя останавливался главным образом в Санкт-Петербурге и почти не понимал русского языка, тем не менее, сделал некоторые проницательные и интересные замечания о том, как обстоят дела в России. Он отметил антагонизм между старой и новой столицами – Санкт-Петербургом и Москвой¹⁷, который порождал дисбаланс в стране. В одном из отчетов, которые Дидро делал для Екатерины, он делился некоторыми замечаниями об *esprit* русского народа. По его словам, русские подвержены двум крайностям: некоторые считают, что русский народ более передовой по сравнению с другими народами; другие в свою очередь, были убеждены в том, что русский народ страдает отсталостью по сравнению с другими народами. Те, которые держатся первого взгляда, «чересчур презируют остальную Европу»; а те, которые держатся второго, – «слишком фанатически ею восторгаются»¹⁸. В действительности уже в конце XVIII в. Дидро отмечает то же двойственное отношение русских в отношении модернизации и европеизации, которое спустя 50 лет привело к возникновению спора между славянофилами и западниками. Очевидно, эта двойственность была порождена напряженностью, возникшей еще в петровскую эпоху, но в дискурсе Просвещения она была лишь замечена, а еще не проанализирована должным образом.

Дидро засыпал Екатерину идеями различных реформ – от необходимости создания «третьего сословия» в России до табачных плантаций и школ для девочек. Прошло не так много времени, прежде чем

¹⁵ Встреча (фр.)

¹⁶ «Императрица от него в восторге», *Турне М.* Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро / Пер. К.К. Толстого. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1902. С. 20 и далее. (За помощь в работе с этим источником выражаю свою признательность М.А. Корзо).

¹⁷ *Турне М.* Дидро и Екатерина II. С. 150 и далее.

¹⁸ *Турне М.* Дидро и Екатерина II. С. 50. *Tourneux M.* Op. cit. P. 176: «2° Il me semble qu'en général vos sujets pèchent par l'un ou l'autre de ces deux excès, ou de croire la nation trop avancée, ou de la croire trop reculée. Ceux qui la croient trop avancée sont contempteurs outrés du reste de l'Europe; ceux qui la croient trop reculée en sont admirateurs fanatiques».

отчуждение между ними стало заметным. Однажды Екатерина объявила Дидро: «Впредь мы не будем обсуждать никаких иных вопросов, кроме тех, что относятся к нравам и литературе». В качестве обоснования своего решения, она сказала – и это известный фрагмент, сохранный для нас в мемуарах графа де Сегюра:

Monsieur Diderot, j'ai entendu avec le plus grand plaisir tout ce que votre brillant esprit vous a inspiré; mais, avec tous vos grands principes que je comprends très bien, on ferait de beaux livres et de mauvaise besogne. Vous oubliez dans tous vos plans de réforme la différence de nos deux positions: vous, vous ne travaillez que sur le papier qui souffre tout; il est tout uni, simple et n'oppose d'obstacle ni à votre imagination, ni à votre plume, tandis que moi, pauvre impératrice, je travaille sur la peau humaine qui est bien autrement irritable et chatouilleuse¹⁹.

Таким образом, в своем собственном представлении Екатерина видит себя великим реалистом, который понимает контексты проблем, в то время как Дидро, хотя и обладает «brillant esprit», в конечном итоге является утопистом и не понимает, что в этом мире возможно, а что нет. Это правда, что мы можем говорить о «просветительском взгляде» на Россию, в основе которого лежит идея России как другой Европы. С этой точки зрения, Россия, как и другие страны за пределами Западной Европы и Северной Америки, подобна чистому листу, на котором можно написать новую конституцию в духе Просвещения, не принимая во внимание местные обстоятельства. Думается, это устойчивый способ мышления, который обнаруживается и позже, когда западные левые интеллектуалы проецировали свои надежды, связанные с будущим социалистическим обществом, на Советский Союз, чтобы потом разочароваться в советских реалиях.

Но был ли у Дидро «просветительский взгляд», сосредоточенный на России? Когда читаешь его записки к Екатерине или его личную переписку и более всего – его комментарии к «Наказу» Екатерины, – ответ не может быть положительным. Отчасти, дело было в его при-

---

¹⁹ «Господин Дидро, я с большим удовольствием выслушала все, что вам внушил ваш блестящий ум. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, действовать же по ним плохо. Составляя планы разных преобразований, вы забываете различие наших положений. Вы трудитесь на бумаге, которая все стерпит: она гладка, мягка и не представляет затруднений ни воображению, ни перу вашему, между тем, как я, несчастная императрица, тружусь для простых смертных, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы» (Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб.: Типогр. В.Н. Майкова, 1865. С. 150).

роде писателя. Большинство исследователей подчеркивают уникальную черту Дидро везде видеть парадоксы. Российский историк философии Т.Б. Длугач также обращает внимание на его чуткость к парадоксальности, его «умение расщепить любое утверждение до обнаружения в нем противоречия». Это умение часто неверно связывали исключительно со способом изложения мысли. Но в действительности оно «помогло Дидро поставить проблемы, выходящие за рамки механистического материализма»²⁰. Т. Длугач даже усматривает в мысли Дидро предпосылки гегелевской диалектики, однако отмечает и важное отличие позиции Дидро, которое состояло в том, что он не пытался, как Гегель, выявить более высокий синтез тезиса и антитезиса.

«Просветительский взгляд» на Россию был абсолютно недialeктичным. Подход Дидро был другим, об этом можно судить по тому, как он анализировал концепцию *despotisme éclairé*, которая, как мы уже видели, была одной из ключевых идей политики Просвещения и была рекомендована, в частности Вольтером, в качестве самой подходящей для России стратегии развития. Дидро с его чувством парадоксальности в личной беседе с Екатериной без всяких колебаний разложил эту концепцию на противоречащие друг другу составляющие. Жан-Батист-Антуан Сюард запечатлел в своем бюллетене остроумный обмен репликами:

Il n'y a rien de si dangereux, disait Diderot, qu'un despote juste, ferme et éclairé; s'il est remplacé par un autre qui ait les mêmes qualités, c'est un plus grand malheur encore, mais toute espérance est perdue pour une nation, si elle en a un troisième...

— Savez-vous bien, lui répondit l'impératrice, que vous parlez à un despote?

— Oui, madame, à un despote juste, ferme et éclairé²¹.

²⁰ Длугач Т.Б. Дени Дидро. 2-е изд. М., 1986. С. 174.

²¹ Tourneux M. Op. cit. P. 581. «Нет ничего столь же опасного, сказал Дидро, как справедливый, непоколебимый и просвещенный деспот. Еще хуже, если на смену ему приходит новый деспот, одаренный такими же качествами. Но у нации не останется никакой надежды, если появится и третий...»

— Знаете ли Вы, — ответила ему императрица, — что разговариваете с деспотом?

— Да, мадам, с деспотом справедливым, непоколебимым и просвещенным» (Пер. с фр. Ю.А. Уточкиной-Амамджан).

И в переводе К.К. Толстого работы Турне, и в переводе Н.И. Люблинского отсутствует приведенный диалог, как и ссылка на бюллетень. Французское же издание включает «Приложение», в котором и приведены фрагменты диалогов

В своих замечаниях на «Наказ Екатерины II», подготовленный в духе Монтескье (любимого политического автора Екатерины) и так и не реализованный, Дидро был еще более определен. Он критиковал абстрактную рациональность «просветительского взгляда», которого придерживалось большинство его современников:

...что следует сказать о системе, которая не учитывает ни сумасбродства, ни человеческих страстей и интересов, ни предрассудков? Я рассматриваю все современные сочинения как прибор геометра, который не принял бы во внимание ни силы трения, ни силы толчков, ни силы тяжести²².

Проблема с просвещенным деспотом, в первую очередь, техническая: не существует никаких гарантий, что после хорошего самодержца придет такой же, и будет обеспечена преемственность. Так было и во времена Рима, когда после Марка Аврелия пришел Коммод, так же было и в России, когда после Екатерины пришел Павел I (на самом деле, характер престолонаследника сильно беспокоил Екатерину и она даже просила Дидро поучаствовать в воспитании царевича). В качестве примера опасностей, которыми чреват деспотизм, Дидро упоминал произвольное налогообложение подданных:

Достаточно одного взмаха пера, и этот единый налог может возрасти до громадных размеров. Следует ли, допустимо ли, не рискуя самыми серьезными последствиями, позволить тирану довести нас до этой крайней черты? Гарантируйте мне не одно, а много поколений хороший король, я соглашусь на единый налог. Если вы не можете этого сделать, то позвольте мне подумать и отнестись с недоверием к этому предложению столь же прекрасному, сколь и отвлеченному²³.

После визита Дидро: глобальная перспектива

Покинув Россию, Дидро послал свои замечания Екатерине, которая была недовольна комментариями философа. Очевидно, Екатерина не знала, что еще позже Дидро подготовил исследование положения дел в России. Это исследование было опубликовано анонимно в мно-

---

Дидро и Екатерины II, в частности, тот, на который ссылается В. Ойттинен. — *Прим. пер.*

²² Дидро Д. Замечания на Наказ Ее Императорского Величества депутатам комиссии по составлению законов / Пер. П.И. Люблинского // Дидро Д. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. М., 1947. С. 436–437.

²³ Дидро Д. Замечания на Наказ Ее Императорского Величества... С. 502.

готовном бестселлере Гийома Тома Франсуа Рейналя «Histoire des deux Indes»²⁴. Оно было примечательным по целому ряду причин. Прежде всего, это, по-видимому, одна из немногих философских и историографических работ, опубликованных в эпоху Просвещения, в которых проблема, о которой я упомянул в начале этой статьи, а именно – вопрос об отношениях (Западной) Европы с остальным миром и о преступлениях колониализма – обсуждалось *in extenso*. На страницах первого тома издания 1780 г. Дидро излагает краткую историю России и ее институтов. Он в основном повторяет, хотя и более последовательно, то, что уже говорил ранее в своих замечаниях о России. Но здесь его анализ стал более безжалостным и острым, несомненно, благодаря покрову анонимности. Главный недостаток, который препятствует процветанию России, соразмерному огромным ресурсам страны, – это отсутствие свободы:

L'esclavage, quelque sens qu'on veuille donner à cette expression, est l'état dans lequel est tombée toute la nation. Parmi les sujets, qu'on regarde comme libres dans cet empire, il n'en est aucun qui ait la sûreté morale de sa personne, la propriété constante de ses biens, une liberté qu'il ne puisse perdre que dans les cas prévus & déterminés par la loi²⁵.

Здесь проблемы России обнаруживаются не только на вершине общественной пирамиды – в институте самодержавия, но также (и это более важно) – в ее основании. Речь идет об отсутствии свободы у обычных людей. Дидро готов признать великие достижения русского самодержавия – завоевания, реформы Петра I, но в конечном итоге Петр не сумел создать «хорошо организованное государство» (*un état bien constitué*).

²⁴ (1-е изд. 1770 г., 3-е – 1780 г., которые Дидро редактировал – *Прим. пер.*). Полное название работы «Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes». Русский перевод был опубликован в 1805–1811, 1834–1835 гг., см.: *Рейналь Г.-Т.-Ф.* Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях / Пер. Г.Н. Городчанинова, В.Г. Анастасевича. СПб.

²⁵ *Raynal G.-Th.* Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. T. I. Geneve, 1780. P. 636. «Рабство, какое бы значение мы ни придавали этому слову, есть состояние, в котором находится вся нация. Среди подданных, которых мы считаем в этой империи свободными гражданами, ни один не обладает гарантией безопасности собственной личности, правом постоянной собственности на свое имущество, свободой, которую он может потерять лишь в случаях, предусмотренных и определенных законом» (Пер. Ю.А. Уточкиной-Амамджан).

On ne vit pas s'élever jusqu'à combiner la félicité de ses peuples avec sa grandeur personnelle. Après ses magnifiques établissements, la nation continua à languir dans la pauvreté, dans la servitude & dans l'oppression [...] On n'a pas voulu voir que la liberté est le premier droit de tous les hommes²⁶.

Мы видим, что взгляды Дидро здесь пересекаются с критикой деспотизма Кантом: речь идет не только и не столько о случайности, присущей всем формам деспотизма, даже в благожелательной и просвещенной формах, а о том факте, что самодержавная власть всегда порождает свою противоположность – массы, живущие в состоянии несовершеннолетия. Именно это несовершеннолетие (*Unmündigkeit* – в терминологии Канта) душит инициативу и вопреки «величественным деяниям» делает общественный и культурный прогресс в странах с деспотическим устройством всегда в каком-то смысле ущербным.

Однако критика Дидро деспотизма, какой бы острой она ни была, кажется мне несколько сдержанной. Очевидно, что он говорил о деспотизме вообще и приравнивал царствование Людовика XIV и Людовика XV во Франции к русскому царизму. Резкий тон в отношении России в последних заключениях Дидро в книге Рейналя можно отчасти объяснить радикализацией его взглядов в последние годы жизни – радикализации, которая была более всего направлена против французской монархии и фактически уже предвещала революцию 1789 г. Но Франция с ее хорошо развитым и процветающим *tiers-état*²⁷ была далеко впереди России. Чтобы встать на путь всецело современного общества, Франции нужно было только стряхнуть паутину *ancien régime*²⁸, в то время как в России, такой шаг был абсолютно невыносим – России пришлось ждать своей революции более ста лет.

Просветительская мысль и, следовательно, мысль Дидро, еще не смогла исследовать причины неравного развития в мировом масштабе и в международных отношениях центра–периферии, что и сделало трансляцию идей Просвещения в страны, не входящие в западноевропейское/североамериканское ядро, столь проблематичной. Правда, были хорошие ранние исследования мировой истории, такие, как

²⁶ Ibid. P. 636–637: «Не заметно, чтобы счастье народов достигло такого же уровня, как и его личное величие. После его величественных деяний, нация продолжала дремать в бедности, зависимости и покорности... Никто не захотел признать, что свобода является первоочередным правом человека» (Пер. Ю.А. Уточкиной-Амамджан).

²⁷ Третье сословие (фр.) – *Прим. пер.*

²⁸ Старый режим (фр.) – *Прим. пер.*

«Histoire des deux Indes» Рейналя, однако в целом преобладала достаточно простая форма эволюционизма: предполагалось, что каждая страна в каждой части мира будет более или менее способна пройти в своем развитии тот же путь, что Англия, Франция и небольшая группа других стран.

Если же мы посмотрим на Россию не с позиции исторического Просвещения, а в глобальной перспективе, то наша оценка характера русского самодержавия (которое фактически существует и сейчас в других формах) будет другой. Русское самодержавие было чем-то большим по сравнению с французской монархией. Главным стимулом для проведения реформ Петра I и политики модернизации в России была внешняя угроза. Петр хорошо понимал, что если Россия не проведет модернизацию своих институтов, она падет жертвой более могущественных соседей. Импорт западных изобретений и институтов был призван укрепить Россию в конкуренции с другими державами. Можно утверждать, что в этом Петр и его преемница Екатерина II блестяще преуспели, они сделали Россию передовой европейской державой. Но идеи Просвещения не были для России своими, они были импортированы (и это Дидро тоже хорошо понимал), просветительские понятия использовались в России, разумеется, выборочно, для поддержки модернизационной политики русского самодержавия. Поэтому эти идеи имели в России иную функцию, нежели на Западе. На мой взгляд, это не столько специфически «русская», как многие склонны считать, сколько повторяющаяся модель освоения Европейского модерна периферийными, неевропейскими странами. Таким образом, русский царизм можно рассматривать как исторически первый пример «диктатуры развития», с которой мы в XX в. столкнулись во многих странах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛЮ, 2003.

Дидро Д. Замечания на Наказ Ее Императорского Величества депутатам комиссии по составлению законов / Пер. П.И. Люблинского // Дидро Д. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М.: Academia, 1947.

Другач Т.Б. Дени Дидро. 2-е дораб. изд. М.: Мысль, 1986.

Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / Под ред. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796). М.: Ками, 1994.

Карп С. Дидро, А.В. Нарышкин и цивилизация в России. URL: <https://prae>.

- perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/karpdiderot (дата обр. 02.01.2020).
- Мезин С. Дидро и цивилизация в России. М.: НЛО, 2018.
- Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II / Пер. с фр. СПб.: Типография В.Н. Майкова, 1865.
- Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Турне М. Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро / Пер. К.К. Толстого. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1902.
- Энквист П.У. Визит лейб-медика / Пер. А. Савицкой. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004.
- Diderot D. Political Writings. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Israel J. Democratic Enlightenment. Philosophy, Democracy and Human Rights 1750–1790. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Oittinen V. Russian “otherness”: from Chaadaev to the present day / Ed. by R. Alapuro, A. Mustajoki, P. Pesonen (eds.) // Understanding Russianness. New York and London: Routledge, 2012. P. 70–83.
- Рейналь Г.Т.Ф. Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях / Пер. Г.Н. Городчанинова, В.Г. Анастасевича. СПб., 1805–1811; 1834–1835.
- Raynal G.-Th. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. T. 1. Geneve: Pellet, 1780.
- Zaretsky R. Catherine & Diderot. The Empress, the Philosopher and the Fate of the Enlightenment. Harvard Univ. Press, 2019.
- Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford: Stanford University Press, 1994.

VESA OITTINEN

Professor Emeritus, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Helsinki, Finland,
P.O.Box 42 (Unioninkatu 33), FI-00014 University of Helsinki.
E-mail: vesa.oittinen@helsinki.fi.

Olga V. Artemyeva (translator)

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.
E-mail: o_artemyeva@mail.ru.

When Diderot Met Catherine: Some Reflections on Archetypic Event

Abstract. The article discusses a meeting in 1773–1774 Empress of Russia Catherine II the Great and philosopher Denis Diderot, which is interpreted as the archetypal event of the collision of the Western Enlightenment with a country located on the periphery of Western civilization. Diderot was one of the few Enlightenment thinkers who recognized the challenges posed by the globalization of the ideas and practices of the Enlightenment. The article discusses the problem of “enlightened despotism”, it is suggested that this problem anticipates the desire to modernize the dictatorial regimes of the 20th century.

Keywords: Enlightenment, Diderot, Catherine II the Great, modernization, archetypal event, “enlightened despotism”.

References

- Diderot, D. *Political Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Diderot, D. “Zamechaniya na Nakaz Ee Imperatorskogo Velichestva deputatam komissii po sostavleniyu zakonov” [Remarks on the Order of Her Imperial Majesty to the Deputies of the Law-Making Commission], trans. by P.I. Lyublinskii, in: Diderot, D. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], In 10 Vols. Vol. 10. Moscow: Academia Publ., 1947.
- Длугач, Т. *Denis Diderot*. Moscow: Progress Publ., 1988. (In Russian)
- Enquist, P.O. *Livläkarens besök*, Stockholm: Nordstedts, 2000 (pan).
- Israel, J. *Democratic Enlightenment. Philosophy, Democracy and Human Rights 1750–1790*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kant, I. “Otvét na vopros: Chto takoe Prosveshchenie?” [Answering the Question: What Is Enlightenment?], in: Kant, I, *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh* [Works in Original with a Parallel Russian Translation], ed. by N. Motroshilova and B. Tuschling. Vol. 1. Moscow: Kami, 1994. (in Russian)
- Karp, S. “Didro, A.V. Naryshkin i tsivilizatsiya Rossii”, in: *Doklady po istorii 18. i 19. vekov – dni Moskvyy: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert*, Nr. 1, 2009, <http://www.perspectivia.net> (in Russian)
- Mezin, S. *Didro i tsivilizatsiya v Rossii* [Diderot and civilization in Russia]. Moscow: NLO Publ., 2018. (in Russian).
- Oittinen, V. “Russian “otherness”: from Chaadaev to the present day”, in: Risto Alapuro, Arto Mustajoki and Pekka Pesonen (eds.), *Understanding Russianness*, New York and London: Routledge, 2012.
- Raynal, G.-Th. *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*, Tome Ier, Geneve: Pellet, 1780.
- Ségur, L.Ph. *Zapiski grafa Segura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II* [Notes of Count Segur on his stay in Russia during the reign of Catherine II the Great]. Sankt Peterburg: Tipografiya V.N. Maikova, 1865. (in Russian)
- Solov’iev, E.Iu. *Kategoricheskii imperativ npravstvennosti i prava*, Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005. (in Russian)
- Tourneux, M. *Didro i Ekaterina. Ikh besedy, napechatannyye po sobstvenno-ruchnym zapiskam Diderot* [Diderot et Catherine II. Their conversations, printed from Diderot's handwritten notes], trans. by K.K. Tolstoi. Sankt Peterburg: Tipografiya A.S. Suvorina, 1902. (in Russian)
- Tourneux, M. *Diderot et Catherine II*. Paris: Calmann Lévy, 1899.
- Zaretsky, R. *Catherine & Diderot. The Empress, the Philosopher and the Fate of the Enlightenment*. Harvard Univ. Press, 2019.
- Wolff, L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: Stanford University Press, 1994.
- Wolff, L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropy* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Moscow: NLO Publ., 2003. (In Russian)